

На красные дворцы Джорана опустилась ночь. Несмотря на то, что настали беспокойные времена, и не было известно, когда стороны Тии и принцессы Исирис сойдутся в следующем раунде, джоранская ночь была по-прежнему великолепна.

Джоран имел всё необходимое для процветания транзитной торговли. Это роскошный и в то же время опасный город, в котором имелись как гостиницы для утомившихся караванщиков, так и паразитирующие на его теле многочисленные бордели и игорные дома, а так же гильдия наёмников, предоставляющая услуги охраны и сопровождения, и невольничьи рынки.

Шли седьмые сутки с тех пор, как на ночных улицах впервые появилась высокая мужская фигура, с головы до ног закутанная в потрёпанный серый балахон. Несмотря на страшную духоту, капюшон был сильно надвинут на глаза и скрывал большую часть лица, оставляя видимым лишь подбородок.

В любом другом населённом пункте подозрительный, слоняющийся без дела человек сразу же привлёк бы всеобщее внимание.

Но только не в Джоране. Здесь собиралась самая разношёрстная публика, в том числе и беглые преступники из иных земель.

В районе, в котором обычно появлялся мужчина в серой робе, находились самые затрапезные бордели. Вот уже неделю он неизменно отирался рядом с ними.

Даже днём тут царил полумрак, поэтому даже по меркам Джорана этот район считался одним из самых опасных. Здесь рано или поздно оказывались пожилые или недостаточно хорошо обслуживавшие клиентов куртизанки и, словно стаи мух, крутились самые отъявленные бандиты.

Кроме того, рядом с женщинами постоянно околачивались те, кто собирал с них деньги, и поставщики наркотиков. Одним словом, это место больше любого другого заслуживало звания «сточной канавы мира».

В общем, главной особенностью района являлось то, что здесь постоянно крутилось множество подозрительных личностей. Трудно было найти место более подходящее для их грязных дел, чем это.

Благодаря такому положению дел человек в серой робе воспринимался местными своим, и никто не обращал на него внимания. Некоторые из куртизанок пробовали к нему подойти, но после отказа и они теряли к нему интерес.

Глубокой ночью, уже перед самым рассветом, на улице объявилась ещё одна подозрительная фигура.

Возможно, новоприбывший имел те же вкусы, что и мужчина в робе, поскольку не направился напрямик в бордель, а остановился напротив входа и принялся украдкой разглядывать жриц любви.

Было видно, что мужчина не совсем в своём уме – он то тихонько хихикал, прикрыв рот, то что-то бормотал, поигрывая рукой у себя в штанах.

Движения его не были ритмичными, он действовал неуклюже и тяжело дышал.

Женщина, принадлежащая к группе куртизанок, лицезревших данного субъекта, по-видимому,

не первый раз, наградила его недовольным взглядом, а затем сплюнула на дорогу и насмешливо проговорила: «Тьфу! Гляньте, опять этот спятивший. Давненько его не было видно.»

«Ох, и не говори, подруга! В те вечера, когда он приходит, я обычно остаюсь без клиентов. Эх, чёрт бы его побрал...»

Клиентов в этот час бродило немного, и негромкие голоса куртизанок были отчётливо слышны.

Как только отиравшийся здесь всю неделю странный мужчина в робе услышал их разговор, его глаза блеснули зеленоватым огнём. Сидевший до этого момента в конце переулочка, он вдруг поднялся с земли и растворился в темноте.

Долгое время, с перекошенным от гнева и похоти лицом, Рахман то безудержно хихикал, то бранил свою супругу Тию. В час, когда небо на горизонте начало светлеть, он, наконец, сумел утихомирить бурю эмоций в душе и с довольным видом свернул за угол.

После того, как Тия отправила раба Широ на задание, она не находила себе места от беспокойства, а всё накопившееся раздражение выплёскивала на мужа.

Рахман же терпением никогда не отличался.

После некоторого времени, проведённого в гареме Горной цитадели, где он чувствовал себя словно в Раю, принцесса Исирис вручила ему браслет Аль Джаиса и попросила вернуться к жене. Рахман хотел было сразу отвергнуть её предложение, но разве мог он оскорбить прекрасный лик очаровательной принцессы бесчувственным отказом?

Браслет, который передала Рахману Исирис, был отлично ему знаком. Именно этот предмет Тия подарила Аль Джаису на шестидесятилетний юбилей. Принцесса просила вручить его Тие и солгать ей, что Аль Джаис сейчас удерживается в плену, в Меккане.

В общем, Рахман поступил именно так, как наказывала принцесса, благодаря чему сумел спровадить маячившего, словно бельмо на глазу, Широ в Меккан. Скорее всего, треклятый раб давно сгинул в столице. От мысли об этом ему становилось легче на душе.

Однако, после возвращения к жене, всё, что Рахману приходилось ежедневно лицезреть – это её недовольное лицо. Несколько раз он порывался было устроить скандал, но из-за страха перед Тией так и не отважился, а возвратиться в Горную цитадель ему мешала просьба принцессы.

Он не мог больше выносить вечного раздражения Тии. Ему хотелось как можно скорее вернуться в Горную цитадель. Если бы Исирис не приказала некоторое время находиться рядом с женой, чтобы не выдать обман раньше времени, он давно бы уже сбежал обратно, в гарем.

Наконец, не в силах сдержать одолевавшую бурю эмоций, он вновь решил наведаться в квартал красных фонарей. Перед тем, как побывать в гареме Аль Джаиса, он от случая к случаю пользовался этим местом для того, чтобы утолить свою похоть.

Впервые за долгое время попрощавшись с негативными чувствами, Рахман возвращался домой с удовлетворённой улыбкой и лёгким сердцем. Он лишь жалел, что он не подумал об этом раньше.

Однако покой в душе Рахмана царил недолго. Он медленно брёл по узкому переулку и наслаждался светлеющим небом, когда чьи-то сильные руки прихватили его за пояс и зажали рот, отчего сердце сразу ушло в пятки.

«Ой! Что это... ммм!»

На миг показалось, что грубая рука вот-вот сломает ему челюсть. Противник держал так крепко, что Рахман не мог даже пошевелиться.

В прошлом он уже проходил через подобное, тогда его похитили и доставили в Горную цитадель.

«Интересно, почему именно после визита в это место я вляпываюсь в неприятные истории? И почему, зная об этом, притащился сюда вновь?» – промелькнула запоздалая мысль в его сознании.

Однако в глубине души Рахмана теплилась надежда – а вдруг это соскучившаяся принцесса Исирис послала одного из своих ассасинов, чтобы вырвать его, наконец, у Ти́и из рук?

Но после того, как его затащили в тёмный подвал, он понял, насколько далёк был от истины в своих ожиданиях.

Когда связанного по рукам и ногам Рахмана грубо бросили на пол, он издал громкий стон, но затем поднял голову и закричал: «Ууу... Ах ты ублюдок! Как смеешь ты так со мной обращаться, ты вообще знаешь, кто я такой? А ну развязывай, немедленно!»

Но голос его, несмотря на сердитые нотки, сильно дрожал и совсем не производил впечатления. Осознав это, Рахман решился, не смотря на грядущую потерю репутации, раскрыть свою истинную личность.

После того, как по городу поползут слухи о том, что, несмотря на своё высокое положение, он водит шашни с проститутками, то станет всеобщим посмешищем. Ведь вокруг него полно прекрасных рабынь, а он вместо них предпочитает обительниц борделей! Причём, не абы каких, а самых что ни на есть низкопробных!

Но, взглянув на человека в балахоне, он почувствовал, что жизнь его висит на волоске, поэтому собрался с духом и произнёс: «Эй ты, ублюдок! Я... я Рахман. Зять правителя Джорана – Аль Джаиса и муж Ти́и. Если ты немедленно развяжешь меня, я сделаю вид, что ничего не случилось, если же нет, то тебя сперва четвертуют, а затем бросят посреди пустыни. Ну же, развязывай!»

На этот раз ему удалось подавить дрожь в голосе, и в нём даже появился намёк на некоторую власть.

Возможно, человек в робе сумел её уловить, поскольку остановился и после некоторой паузы проговорил зловещим низким голосом: «Значит, вы Рахман? Член семьи властителя Джорана, великого Аль Джаиса?..»

«Хмпф! Испугался? Да, брат, ты затронул кого не следовало. Вскоре сюда ворвутся ассасины, так что освободи уже меня и уноси ноги, пока можешь, ублюдок!»

Моральный дух Рахмана в эту минуту поднялся до невообразимого уровня.

Однако похититель даже не дёрнулся, а когда он, помедлив, извлёк из-за пояса кинжал, настала очередь пленника испуганно вздрогнуть.

«Э-эй, ты чего?.. Я ведь Рахман! Рахман...»

«Вжиль!» – Сверкнуло в воздухе острое лезвие кинжала и вонзилось в столешницу.

Затем мужчина в балахоне извлёк какие-то пузырьки и начал аккуратно расставлять их на столе, после чего обратился к дрожащему пленнику: «Если ты и впрямь Рахман, зять Аль Джаиса, то возможность ошибки исключена. Найти тебя, слава богу, было относительно нетрудно.»

«Т-тебе нужны деньги? Я достану любую сумму! Я дам тебе всё, что ты пожелаешь! Всё, что угодно!»

«Мне действительно нужно кое-что... Однако, внутренний голос подсказывает мне, что ты не захочешь с этим расстаться. Так что я заберу это сам.»

Быстро накалив в пламени лезвие кинжала, мужчина поднёс его к носу Рахмана, а затем откинул капюшон.

Теперь, в отблесках пламени, пленник смог рассмотреть его лицо.

В целом черты лица похитителя были правильными, однако его лысая, безбровая голова, на которой только-только начали появляться молодые чёрные волоски, производила сильное впечатление. А отпечатавшаяся над переносицей изогнутая метка сатаны это впечатление резко усиливала.

Незнакомец в сером балахоне оказался Широном! Оставив подземелье Йехинатала, он тайно прокрался к красным дворцам Джорана.

«К-кто ты? Умоляю, у-убери нож...»

Рахман, по-видимому, Широна не признал. То ли из-за того, что его нынешний облик сильно отличался от прошлого, то ли потому, что прежде лицо раба было не слишком запоминающимся. Впрочем, Рахман Широна вблизи никогда особенно и не разглядывал.

«Извини, Рахман. Я не питаю к тебе особой неприязни, однако против приказа страшного старика пойти не могу.»

Широн взял один из флакончиков, смочил его содержимым кусок ткани и прижал к носу и рту Рахмана.

«Мммм!» – попытка вопить и брыкаться Рахман, но понемногу его движения стали вялыми, и он лишился сознания.

Так для него будет лучше. Того, что должно случиться с ним после, оставаясь в сознании, он точно бы не вынес.

«Шкряб-шкряб...» – раздавался тихий скребущий звук в тёмном подвале, освещённом одной-единственной лампой. Из-за того, что в подвал не проникал уличный шум, поскрипывание ножа звучало очень зловеще.

Рахман, раздетый по пояс, лежал на столе. Кончик острого кинжала проткнул кожу у

основания шеи и описал вокруг неё один круг. Аккуратно надрезав кожу, Широн поддел её кончиком ножа и, схватив пальцами за края, принялся осторожно поднимать вверх.

Под кожей стали видны пульсирующие мышцы, постепенно открытая область всё увеличивалась. Он орудовал ножом настолько искусно, что после снятия кожи не выступило не единой капли крови. Лишь в местах перерезанных капилляров проступила небольшая сукровица.

Когда Широн трудился над лицом и мочками ушей, его лоб покрылся испариной. Затем он аккуратно обработал область носа, и кожа с лица полностью снялась, обнажив лицевые мышцы.

Вокруг глаз кожа наиболее тонкая, поэтому с ней пришлось работать ещё более осторожно.

Теперь лоб... Он боялся даже дышать, пока снимал скальп.

«Фуух!»

Опустив кинжал, Широн расслабился и издал протяжный вздох.

В его руке находилась кожа с лица Рахмана.

Подготовка к исполнению приказа Аль Джаиса – стать Рахманом – была завершена.

Пленник, который после снятия кожи с лица стал похожим на чудище, которого теперь даже родная мать не узнает, мирно посапывал.

Возможно, такой исход будет для него наилучшим. Очутившись в руках Аль Джаиса, предатель познал бы перед смертью куда большие мучения.

Широн молча вылил оставшееся в лампе масло на тело Рахмана и бросил следом пылающий фитиль.

Вспшш!

Поднявшись по подвальной лестнице, Широн запер снаружи тяжёлую железную дверь и растворился в утренней дымке.

«Ааааа!» – завопил что есть мочи пробудившийся от наркотического сна в пламени, окутавшем всё его тело, Рахман и принялся отчаянно барабанить в железную дверь, однако снаружи его крики никто не услышал.

А ночь в пустыне подошла к концу, и забрезжил новый рассвет...

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680072>